АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (35)
2021

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия), **И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс ПП753,

электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2021

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2021

© Журнал «Поволжская археология», 2021

Издательство «Фэн»

Казань, Татарстан

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – Academician of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **I. Baldauf** – Doctor Habilitat, Professor (Berlin, Germany), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – PhD (Budapest, Hungary), **I. Fodor** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue

M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2021

© Mari State University, 2021

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2021

Publishing House “Fän”

Kazan, Tatarstan

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования железного века и эпохи Великого переселения народов

<i>Чижевский А.А., Оруджов Э.И. (Казань, Россия)</i> Вятско-ветлужская археологическая культура (гребенчато-шнуровой керамики) ананьинской культурно-исторической области	8
<i>Синика В.С. (Тирасполь, Приднестровье, Молдова), Лысенко С.Д. (Киев, Украина), Разумов С.Н. (Тирасполь, Приднестровье, Молдова), Тельнов Н.П. (Тирасполь, Приднестровье, Молдова)</i> Скифское детское захоронение с моделью меча на Нижнем Днестре	23
<i>Сеитов А.М., Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. (Алматы, Казахстан)</i> Раннесарматское погребение курганной группы Кеныш 3 в казахстанском Притоболье	37
<i>Новиков А.В. (Кострома, Россия)</i> Сетчатая керамика поселения Умиление	49
<i>Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Рослякова Н.В. (Самара, Россия), Саттаров Р.Р. (Казань, Россия)</i> Погребение мальчика-охотника из Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры	65
<i>Воробьева С.Л. (Уфа, Россия), Куфтерин В.В. (Москва, Россия)</i> Вооружение носителей пьяноборской культуры по материалам Ново-Сасыкульского могильника	78
<i>Саттаров Р.Р., Бугров Д.Г., Лыганов А.В. (Казань, Россия), Капленко Н.М., Хуснутдинов Э.А. (Набережные Челны, Россия)</i> Два памятника пьяноборской культуры на островах Нижнекамского водохранилища	93
<i>Воронцов А.М. (Тула, Россия)</i> Фибулы типа Картавец – Серенск: к вопросу о локальных традициях и культурных связях эпохи Великого переселения народов	114
<i>Столяров Е.В. (Тула, Россия)</i> Сюльгамы андреевско-писеральского типа с территории Окско-Донского водораздела	131
<i>Воробьева Е.Е. (Казань, Россия)</i> К вопросу о типах поселений населения Марийского Поволжья в период раннего железного века	148
<i>Мингалев В.В. (Пермь, Казань, Россия), Перескоков М.Л. (Пермь, Россия)</i> Фортификация многовальных городищ в Пермском Приуралье в эпоху Великого переселения народов: теория и интерпретации	155
<i>Яранцева Н.С., Воробьева Е.Е. (Казань, Россия)</i> Домостроительство финно-угров лесной полосы Среднего Поволжья II–I тыс. до н. э. в трудах исследователей XVIII – нач. XX вв.	170

Археозоология и археогеномика памятников Евразии

<i>Трифонов В.А. (Новосибирск, Россия), Шаймуратова Д.Н.,</i> <i>Асылгараева Г.Ш., Монахов С.П. (Казань, Россия),</i> <i>Молодцева А.С. (Новосибирск, Россия), Аськеев А.О., Аськеев И.В.,</i> <i>Аськеев О.В. (Казань, Россия)</i>	
Археогеномика domestikации животных Евразии	179
<i>Aurélie Manin (Oxford, UK), Ophélie Lebrasseur (Liverpool, UK)</i> Zooarchaeology and Ancient DNA, part 1: a brief review of the methods and applications	187
<i>Ophélie Lebrasseur (Liverpool, UK), Aurélie Manin (Oxford, UK)</i> Zooarchaeology and Ancient DNA, part 2: new substrates and perspectives	196
<i>Тишкин А.А. (Барнаул, Россия), Пластеева Н.А. (Екатеринбург, Россия),</i> <i>Миняев С.С. (Санкт-Петербург, Россия)</i> Лошади суннского времени из «элитного» погребального комплекса Царам	205
<i>Lebrasseur O. (Liverpool, UK), Shaymuratova D., Askeyev A.,</i> <i>Asylgaraeva G. (Kazan, Russian Federation),</i> <i>Frantz L. (London, UK), Larson G. (Oxford, UK),</i> <i>Askeyev O., Askeyev I. (Kazan, Russian Federation)</i> A Zooarchaeological and Molecular Assessment of Ancient Chicken Remains from Russia	216
<i>Умиткалиев У.У. (Нур-Султан, Казахстан),</i> <i>Митько О.А. (Новосибирск, Россия),</i> <i>Лбова Л.В. (Санкт-Петербург, Россия)</i> Окрашенные астрагалы эпохи бронзы (могильник Кырыкунгир, Восточный Казахстан)	232
Список сокращений	247
Правила для авторов	250

CONTENS

Studies of the Iron Age and the Era of the Great Migration

<i>Chizhevsky A.A., Orudzhev E.I. (Kazan, Russian Federation)</i> Vyatka-Vetluga Archaeological Culture (Comb-Cord Ceramics) of Ananyino Cultural and Historical Area	8
<i>Sinika V.S. (Tiraspol, Transnistria, Moldova), Lysenko S.D. (Kiev, Ukraine), Razumov S.N. (Tiraspol, Transnistria, Moldova), Telnov N.P. (Tiraspol, Transnistria, Moldova)</i> Scythian Burial of the Child with the Sword Model in the Lower Dniester.....	23
<i>Seitov A.M., Bazarbaeva G.A., Jumabekova G.S. (Almaty, Kazakhstan)</i> Early Sarmatian Burial of Mound Group Kenysh 3 in Kazakhstan Tobol River Region	37
<i>Novikov A.V. (Kostroma, Russian Federation)</i> Reticulated Ceramics of Umilenie Settlement	49
<i>Zubov S.E., Liphonov N.A., Roslyakova N.V. (Samara, Russian Federation), Sattarov R.R. (Kazan, Russian Federation)</i> Boy Hunter Burial from Staroe Kirgizovo Burial Ground of the Pyany Bor Culture	65
<i>Vorobyeva S.L. (Ufa, Russian Federation), Kufterin V.V. (Moscow, Russian Federation)</i> Pyany Bor Culture Weapons According to Materials from Novo-Sasykul Burial Ground	78
<i>Sattarov R.R., Bugrov D.G., Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation), Kaplenko N.M., Khusnutdinov E.A. (Naberezhnye Chelny, Russian Federation)</i> Two Sites of Pyany Bor Culture on the Islands of Nizhnekamsk Reservoir	93
<i>Vorontsov A.M. (Tula, Russian Federation)</i> Fibulae of Kartavtsevo – Serensk Type: the Issue of Local Traditions and Cultural Relations of the Great Migration Period.....	114
<i>Stolyarov E.V. (Tula, Russian Federation)</i> Syulgamas of Andreevka-Piseraly Type from Oka-Don Watershed.....	131
<i>Vorobeva E.E. (Kazan, Russian Federation)</i> The Issue of the Types of Settlements of the Mari Volga Region Population in the Early Iron Age	148
<i>Mingalev V.V. (Perm, Kazan, Russian Federation); Pereskokov M.L. (Perm, Russian Federation)</i> Fortification of Multi-Shaft Hillforts in the Perm Urals During the Migration Period: theory and interpretations.....	155
<i>Yarantseva N.S., Vorobeva E.E. (Kazan, Russian Federation)</i> Housebuilding of the Finno-Ugrians from the Forest Belt of the Middle Volga Region During the 2 nd – 1 st Millennia BC in the Works of Researchers of the 18 th – Early 20 th Centuries	170

Archaeozoology and Archaeogenomics of Eurasian Sites

<i>Trifonov V.A. (Novosibirsk, Russian Federation), Shaymuratova D.N., Asylgaraeva G.Sh., Monakhov S.P. (Kazan, Russian Federation), Molodtseva A.S. (Novosibirsk, Russian Federation), Askeyev A.O., Askeyev I.V., Askeyev O.V. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Archaeogenomics of Animal Domestication in Eurasia	179
<i>Aurélie Manin (Oxford, UK), Ophélie Lebrasseur (Liverpool, UK)</i>	
Zooarchaeology and Ancient DNA, part 1:	
a brief review of the methods and applications	187
<i>Ophélie Lebrasseur (Liverpool, UK), Aurélie Manin (Oxford, UK)</i>	
Zooarchaeology and Ancient DNA,	
part 2: new substrates and perspectives	196
<i>Tishkin A.A. (Barnaul, Russian Federation), Plasteeva N.A. (Yekaterinburg, Russian Federation), Minyaev S.S. (Saint-Petersburg, Russian Federation)</i>	
Horses from Xiongnu Elite Burial Complex Tsaram	205
<i>Lebrasseur O. (Liverpool, UK), Shaymuratova D., Askeyev A., Asylgaraeva G. (Kazan, Russian Federation), Frantz L. (London, UK), Larson G. (Oxford, UK), Askeyev O., Askeyev I. (Kazan, Russian Federation)</i>	
A Zooarchaeological and Molecular Assessment	
of Ancient Chicken Remains from Russian Federation	216
<i>Umitkaliev U. U. (Nur-Sultan, Kazakhstan), Mitko O.A. (Novosibirsk, Russian Federation), Lbova L.V. (Saint-Petersburg, Russian Federation)</i>	
Painted Astragals of the Bronze Age	
(Kyrykungir burial ground, East Kazakhstan)	232
List of Abbreviations	247
Submissions	250

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.78.92>

ВООРУЖЕНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ НОВО-САСЫКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА¹

© 2021 г. С.Л. Воробьева, В.В. Куфтерин

Анализируется комплекс вооружения пьяноборского населения по материалам Ново-Сасыкульского могильника I–II вв. Основной вид вооружения составляло оружие дальнего боя – костяные и железные наконечники стрел. Особенности погребений лучников рассмотрены в сравнении со всеми погребальными памятниками пьяноборской культуры. Обнаружены закономерности нахождения железных наконечников стрел и их определенных типов. Костяные втульчатые наконечники стрел в пьяноборской культуре были распространены со II в. до н.э. по II в., черешковые появились позднее – в I в. Оружие ближнего боя в Ново-Сасыкульском могильнике представлено незначительно. Все обнаруженные мечи и кинжалы заимствованы у кочевников. Исключение составляют боевые ножи. Они являются своеобразным этнокультурным маркером в пьяноборской среде. К такому же маркеру авторы относят бронзовые футляры для ножей.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, пьяноборская культура, вооружение, наконечники стрел, копье, боевой нож, меч.

Впервые комплексный анализ пьяноборского вооружения был представлен В.А. Ивановым (1984). В источниковую базу входил и Ново-Сасыкульский могильник (далее – НСМ), раскопанный в 1976–1980 гг. В.А. Иванов отметил различия в типах вооружения оседлого населения Приуралья, а также выдвинул предположение о существовании союза между пьяноборскими и кара-абызскими племенами (Иванов, 1984, с. 74). Вооружение носителей пьяноборской культуры (далее – ПК) также рассматривалось О.Р. Стаматиной. Ею проведено статистическое сравнение комплексов с оружием и отмечена редкая встречаемость данного типа инвентаря в погребениях (Стаматина, 2004).

НСМ находится в Нижнем Прикамье (Бакалинский р-н Башкортостана) (рис. 1), раскопан полностью. Всего изучено 417 погребений (416 относятся к ПК, а одно – к мрясимовскому типу эпохи Средневековья). Авторы раскопок определили время функци-

онирования могильника I–III вв. на основании датировки 14 античных фибул – раннеримских шарнирных типа «*Avcissa*» и пружинных (Васюткин, Калинин, 1976). Б.Б. Агеев полагал, что такие фибулы относятся ко II–III вв. (Агеев, 1992, с. 64). Т.И. Останина датирует их вт. пол. I – пер. пол. II в. (Останина, 1997, с. 114). В.В. Ставицким (2015) погребения могильника разделены на ранние (кон. I – нач. II в.) и поздние (сер. II в.). Изучение материалов НСМ позволяет определить время его функционирования в интервале I–II вв. в связи с тем, что датировка имеющихся фибул не выходит за эти пределы.

Вооружение из НСМ впервые рассмотрено авторами раскопок (Васюткин, Калинин, 1976). Однако анализ источников (предметов и научных отчетов) показывает, что в этой публикации содержатся неверные сведения о количестве инвентаря, отдельные вещи неправильно интерпретированы. В этой связи возникла необходимость повторного

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-39-00113-мол_а), на базе Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Рис. 1. Ареал распространения могильников пьяноборской культуры (на основе сводных данных Р.Р. Саттарова (Саттаров, 2013, рис. 1): 1 – Афонинский; 2 – Бирский II; 3 – Деуковский II; 4 – Деуковский III; 5 – Икский; 6 – Камышлы-Тамакский I; 7 – Камышлы-Тамакский II; 8 – Кипчаковский I; 9 – Кипчаковский II; 10 – Коноваловский; 11 – Красноярский; 12 – Куштиряковский; 13 – Кулушевский III островной; 14 – Кушулевский II; 15 – Кушулевский III; 16 – Янгизнаратовский 17 – Кырнышский IV; 18 – Меллятамакский I; 19 – Меллятамакский V; 20 – Муновский (Пьяноборский II); 21 – Нырғындынский II; 22 – Нырғындынский I; 23 – Ново-Сасыкульский; 24 – Ново-Тумутукский; 25 – Партизанский; 26 – Приют-Шуранский; 27 – Пьяноборский I; 28 – Старо-Киргизовский; 29 – Старо-Чекмакский I; 30 – Старо-Чекмакский II; 31 – Суяндюковский; 32 – Тамьянский I; 33 – Тарасовский; 34 – Тойгузинский I островной; 35 – Юлдашевский; 36 – Уразаевский; 37 – Урманаевский II; 38 – Уяндыкский I; 39 – Уяндыкский II; 40 – Чеганда II; 41 – Чиатавский; 42 – Чиялекский; 43 – Шидалинский I; 44 – Шидалинский II; 45 – Трикольский; 46 – Куяновский II.

Fig. 1. Distribution of the Pyany Bor culture burial grounds (according to R.R. Sattarov (Sattarov, 2013, Fig. 1): 1 – Afonino; 2 – Birs 2; 3 – Deukovo II; 4 – Deukovo III; 5 – Iksky; 6 – Kamyshly-Tamak I; 7 – Kamyshly-Tamak II; 8 – Kipchakovo I; 9 – Kipchakovo II; 10 – Konovalovo; 11 – Krasnoyarsky; 12 – Kushtyryakovo; 13 – Kushulevo III (island); 14 – Kushulevo II; 15 – Kushulevo III; 16 – Yangiznaratovo 17 – Kyrnyshsky IV; 18 – Mellatamak I; 19 – Mellatamak V; 20 – Munovsky (Pyany Bor II); 21 – Nyrgynda II; 22 – Nyrgynda I; 23 – Novo-Sasykul; 24 – Novo-Tumutuk; 25 – Partizansky; 26 – Priut-Shuransky; 27 – Pyany Bor I; 28 – Staro-Kirgizovo; 29 – Stary Chekmak I; 30 – Stary Chekmak II; 31 – Suyundyukovo; 32 – Tamyan I; 33 – Tarasovo; 34 – Toyguzinsky I (island); 35 – Yuldashevo; 36 – Urazaev; 37 – Urmanaev II; 38 – Uyandyksky I; 39 – Uyandyksky II; 40 – Cheganda II; 41 – Chiatav; 42 – Chiyalek; 43 – Shidalinsky I; 44 – Shidalinsky II; 45 – Trikol'sky; 46 – Kuyanovo II.

изучения предметов вооружения из НСМ.

Предметы вооружения в НСМ представлены в 130 погребениях (31,25% от общего числа) и состоят из наконечников стрел, мечей, кинжалов, боевых ножей с бронзовыми футлярами, костяных накладок на

колчан. Они найдены и в межмогильном пространстве. Антропологические определения показали, что вооружение происходит, по-видимому, исключительно из мужских комплексов – женских с оружием не зафиксировано. У 22 индивидов из комплексов с вооружением определен пол и

Рис. 2. Железные наконечники стрел Ново-Сасыкульского могильника и сопровождающий инвентарь: 1–5 – наконечники стрел; 6, 10 – сюльгамы; 7, 13 – пряжки; 8 – нож с накладкой на ножны (футляр для ножей); 9 – проколка; 11, 15 – удила с псалиями; 14 – гривна; 12 – колчаный крючок; 16 – футляр для ножа; 17 – фибула (1, 6, 13, 16 – п. 98; 2–3 – п. 78, 4–5, 7–9, 11 – п. 98; 10, 15 – п. 103; 12 – п. 179; 17 – п. 43); 1–5, 12, 15 – железо; 6–7, 13–14, 16–17 – бронза; 8, 10 – бронза и железо; 9 – кость; 11 – железо и кость.

Fig. 2. Iron arrowheads from Novo-Sasykul burial ground and accompanying stock: 1–5 – arrowheads; 6, 10 – sulgams; 7, 13 – buckles; 8 – knife with sheath (knife case); 9 – borer; 11, 15 – bits with cheek-piece; 14 – grivna; 12 – quiver hook; 16 – knife case; 17 – fibula (1, 6, 13, 16 – burial 98; 2–3 – burial 78; 4–5, 7–9, 11 – burial 98; 10, 15 – burial 103; 12 – burial 179; 17 – burial 43); 1–5, 12, 15 – iron; 6–7, 13–14, 16–17 – bronze; 8, 10 – bronze and iron; 9 – bone; 11 – iron and bone.

возраст (мужской или мужской с «?»), а у 11 – только возраст. Возрастное распределение у погребенных с оружием следующее: до 16 лет – 11 погр. (33,3%), 16–25 лет – 13 (39,4%), 25–40 лет – 2 (6,1%), 30–50 лет – 6 (18,2%), старше 50 лет – 1 (3,0%). В погребениях мужчин до 20 лет найдены только наконечники стрел. Крупное боевое оружие происходит из погребений мужчин старше этого возраста.

Наконечники стрел

Колчанные наборы состоят из железных и костяных наконечников. Они найдены в 87 погребениях (20,9% от общего количества и 66,9% от количества погребений с оружием). 317 железных наконечников обнаружены в 54 погребениях, 235 костяных – в 59. 9 костяных наконечников происходят из межмогильного пространства. Железные наконечники однотипны – трехлопастные, черешковые с длиной головки 1,5–2,5 см (тип 2, отдел В по Б.Б. Агееву (1992, с. 46); тип 11 по А.С. Скрипкину (1990, с. 72); тип 4 по А.М. Хазанову (1971, с. 37–38)) (рис. 2: 1–4). У трех крупных железных наконечников (3–3,5 см длиной) выделен круглый черешок (рис. 2: 5). Данные наконечники бытовали со II в. до н. э. по II в. (Агеев, 1992).

В 28 погребениях присутствуют только железные наконечники, их максимальное количество в колчанном наборе – 44, по 1 – в 7 погребениях, от 2 до 6 – в 13, от 11 до 24 – в 6. В 33 комплексах найдены только костяные наконечники: по 1 стреле найдено в 13 погребениях, от 2 до 6 – в 17 погребениях, 12 и 16 стрел – в 2 комплексах.

Костяные наконечники представлены втульчатыми и черешковыми (рис. 3: 1–13). Втульчатые отличаются разнообразием по форме пера

и втулки – прямоугольного сечения, треугольного, трапецевидного. Д.Г. Бугровым показано, что «мастер определял форму пера, а форма сечения диктовалась исходным сырьем» (Бугров, 2000, с. 91). Поэтому при определении типов наконечников сечение втулки не учитывалось.

Отдел А. Наконечники с внутренней втулкой.

Тип 1. Пирамидальные трехгранные с внутренней втулкой, длиной до 4 см (тип Б.1 по Б.Б. Агееву (1992, с. 45)) (рис. 3: 1–4). Встречены в 64 комплексах (73,5% от погребений лучников) – 172 экз. Большинство (117 экз.) происходит из погребений с железными наконечниками, остальные – с другими типами костяных стрел. В 3 погребениях найдены железные колчаные крючки (рис. 2: 12). Среди изделий этого типа есть 9 предметов, имеющих отверстие в одной из граней, имитирующих бронзовые наконечники.

Подтип а. К отдельному подтипу отнесены длинные (4–7 см) трехгранные наконечники с внутренней втулкой (рис. 3: 5) – 2 экз.

Тип 2. Пирамидальные четырехгранные с внутренней втулкой (тип Б.2 по Б.Б. Агееву (1992, с. 45)) (рис. 3: 6). Встречены в 12 комплексах (13,7%) – 41 экз. 10 из них происходят из погребений с железными наконечниками, остальные найдены с костяными.

Тип 3. Конусообразные с внутренней втулкой (тип Б.3 по Б.Б. Агееву (1992, с. 45)) (рис. 3: 7). Найдено 2 экз.

Отдел Б. Наконечники с выступающей втулкой.

Тип 1. Трех- и четырехгранные наконечники с упором и выступающей круглой втулкой (тип Б.3 по Б.Б. Агее-

Рис. 3. Костяные наконечники стрел Ново-Сасыкульского могильника и сопровождающий инвентарь: 1–13 – наконечники стрел; 14, 18 – фибулы; 15 – накладка на колчан; 16 – удила; 17 – пряжка; 19 – лопаточка; 20 – проколка (1–3, 14 – п. 10; 4 – п. 22; 5 – п. 414; 6 – п. 129; 7 – п. 5; 8 – п. 6; 9 – п. 287; 10–11 – п. 110; 12 – п. 389; 13 – п. 76; 15 – п. 129; 16 – п. 21; 17 – п. 106; 18 – п. 1; 19 – п. 21; 20 – п. 268); 1–13, 15, 19–20 – кость, 16–17 – железо; 14, 18 – бронза.

Fig. 3. Bone arrowheads from Novo-Sasykul burial ground and accompanying stock:
1–13 – arrowheads; 14, 18 – fibulae; 15 – quiver bracket; 16 – bit; 17 – buckle; 19 – spatula;
20 – borer (1–3, 14 – burial 10; 4 – burial 22; 5 – burial 414; 6 – burial 129; 7 – burial 5; 8 – burial 6;
9 – burial 287; 10–11 – burial 110; 12 – burial 389; 13 – burial 76; 15 – burial 129; 16 – burial 21;
17 – burial 106; 18 – burial 1; 19 – burial 21; 20 – burial 268);
1–13, 15, 19–20 – bone, 16–17 – iron, 14, 18 – bronze.

ву (1992, с. 45)) (рис. 3: 8). Встречены в 3 комплексах (3,4%) – 7 экз. Вероятно, имитируют бронзовые наконечники с отверстиями.

Тип 2. Трехлопастной наконечник с упором и выступающей круглой втулкой, лопасти срезаны под прямым углом (рис. 3: 9) – 1 экз. Полностью повторяет пропорции и внешние признаки бронзовых наконечников, распространенных у кочевников в сарматское время.

Отдел В. Черешковые наконечники (тип Б.5 по Б.Б. Агееву (1992, с. 45)).

Тип 1. Наконечники с невыделенным черешком, четкая граница между пером и черешком отсутствует (рис. 3: 10–11). Сечение черешка определяется формой сечения пера. Общая форма наконечников ромбовидная. Форма сечения трех- и четырехгранная или овальная. Найдено 2 экз. в 1 погребении с железными наконечниками.

Тип 2. Наконечники с выделенным черешком и упором. Черешок расположен под углом относительно пера (рис. 3: 12). Форма сечения пера трехгранная, форма сечения черешка – круглая. Найдено 12 экз. в 3 погребениях, 2 из которых содержали железные наконечники.

Тип 3. Наконечники с выделенным черешком. Перо плавно, под прямым углом, переходит в черешок (рис. 3: 13). Найдено 11 экз. в 4 погребениях, 4 из которых содержали железные наконечники.

Таким образом, большинство костяных наконечников представлены изделиями с внутренней втулкой (223 экз. – 89,9%), которые были найдены в одном колчанном наборе. Наконечники типа В.2 не встречаются в погребениях с наконечниками типа А и Б.

В пьяноборской среде смена бронзовых наконечников на железные

произошла в сер. – вт. пол. I в., до этого они встречаются совместно с бронзовыми. Основную прямую или опосредованную роль в распространении железных трехлопастных черешковых наконечников стрел сыграли сарматы (Зубов, Саттаров, 2014). Железные стрелы просуществовали в колчаных наборах до II в. (Агеев, 1992).

НСМ отличается от других некрополей ПК абсолютным преобладанием костяных наконечников и наличием значительного количества (29,8%) колчаных наборов с костяными и железными стрелами. Погребения с последними локализуются в южной части могильника, в комплексах, где имеются фибулы или рядом с ними. Железные наконечники встречаются в погребениях с фибулами, гривнами, сюльгами, бронзовыми и железными пряжками, железными удилами, костяными проколками, бронзовыми футлярами для ножей, костяными накладками (рис. 2: 6–17; 3: 15). В погребениях с костяными наконечниками, встречен тот же набор инвентаря за исключением железных удилищ с костяными псалиями и боевых ножей с бронзовыми футлярами. В них встречаются костяные лопаточки (рис. 3: 14–20). В двух погребениях с железными наконечниками найдены фибулы типа «*Avcissa*» и поэтому их можно отнести к ранней группе (Ставицкий, 2015). К этому же времени относится появление пирамидальных трехгранных наконечников с внутренней втулкой (отдел А, тип 1). В п. 10 с фибулой «*Avcissa*» с надписью «*AVCISSA*» (рис. 3: 14) найдены 3 таких наконечника в колчане, а 1 – в черепахе погребенного. Данные фибулы датируются в основном кон. I в. до н. э. – пер. пол. I в., но «запаздывают» в восточноевро-

Рис. 4. Мечи и кинжалы Ново-Сасыкульского могильника: 1, 2, 6–7 – находки из межмогильного пространства; 3 – п. 260; 4 – п. 139; 5 – п. 361; 8 – п. 225; 9 – п. 348; 6 – железо и бронза, остальное – железо.

Fig. 4. Swords and daggers from Novo-Sasykul burial ground: 1, 2, 6–7 – finds from the inter-grave space; 3 – burial 260; 4 – burial 139; 5 – burial 361; 8 – burial 225; 9 – burial 348; 6 – iron and bronze, all the rest – iron.

пейских комплексах (Кропотов, 2010, с. 265, 273). Б.Б. Агеев связывает их появление в Прикамье со II–III вв. (Агеев, 1992, с. 77–79), а В.В. Ставицкий с кон. I – нач. II в. (Ставицкий, 2015). Учитывая нахождение втульча-

тых наконечников с данными фибулами, время их функционирования в некрополе – кон. I – сер. II в.

Для определения места и значения костяных наконечников в комплексах ПК изучены материалы 17 разнов-

ременных могильников. Погребения лучников, в которых найдено 2834 стрелы, составляют 15,5% от общего количества (390 погр.). Костяные наконечники представлены в большинстве некрополей, главным образом – в Кушулевском III (404 экз. – 31%), Ново-Сасыкульском (235 экз. – 18%) и Юлдашевском (131 экз. – 10%). Погребения с костяными и железными стрелами преобладают в Ново-Сасыкульском (26 погр. – 31%) и Кипчаковском (26 погр. – 18,3%) могильниках. Комплексы, где лежали только костяные наконечники, происходят из Ново-Сасыкульского (33 погр. – 34,7%) и Чегандинского II (21 погр. – 22,1%) некрополей. Преобладают костяные наконечники с внутренней втулкой (тип А.1). Наконечники типа В.2, кроме погребений Ошкинского могильника, не встречаются в комплексах с наконечниками типа А и Б. Один наконечник типа В.2 найден в погребении Шидалинского I могильника с бронзовыми стрелами. Наконечники типа А.1 имеют сходную частоту встречаемости с бронзовыми и железными, что подтверждает их появление в ПК со II в. до н. э.

Вопрос о генезисе пьяноборских костяных втульчатых наконечников рассмотрен Д.Г. Бугровым, связывающим их появление в бассейне Белой во II в. до н. э. «с проникновением группы зауральского населения» (Бугров, 2000, с. 92). В кара-абызских могильниках подобные наконечники найдены в погребениях II в. до н. э. – II в. и их появление связывают с влиянием пьяноборцев (Иванов, 1984, с. 14–15). За пределами пьяноборско-кара-абызского ареала они встречены в памятниках I–III вв. на Северном Кавказе (Пшеничнюк, 1973, с. 175), в Сибири (Агеев, 1992, с. 45),

в хуннских памятниках Забайкалья, на территории таштыкской (Голдина, Бернц, 2016) и саргатской культур (Корякова, 1998, с. 62–63).

Наконечники типа А.2 и Б.1-2, имитирующие бронзовые, встречаются только в саргатских памятниках (Корякова, 1998, с. 63). Черешковые наконечники типа В.2-3 находят аналогии в кара-абызских могильниках (Пшеничнюк, 1973, рис. 29, 7–11, с. 219), где их появление, как и в пьяноборской среде, стоит связать с косторезными традициями ананьинской культурно-исторической общности (АКИО).

Дискутируется вопрос о назначении костяных наконечников. Есть мнение, что их использовали в основном на охоте (Матвеев, 2013, с. 21). Случай нахождения погребенного с костяным наконечником стрелы в бедре отмечен А.М. Хазановым (Хазанов, 1971, с. 42). Костяной наконечник, застрявший в черепе, найден и в п. 10 НСМ. Следовательно, они могли иногда использоваться и в качестве боевых, особенно лесным населением Прикамья и Приуралья.

На символический характер колчаных наборов в погребальном обряде ПК указывал В.А. Иванов, отмечая наличие в наборах не более 10 стрел (Иванов, 1984, с. 15). Дефицит вооружения привел к тому, что оружие клали только для соблюдения традиций. Эта картина характерна для всех некрополей ПК.

Колчаны НСМ сопровождают *костяные накладки* прямоугольной формы с двумя отверстиями по краям (9 экз.) (рис. 3: 15). Они были широко распространены в пьяноборских и кара-абызских памятниках. Точная их принадлежность к колчанному набору не определена, но анализ расположе-

Рис. 5. Наконечники копий и футляры для ножей Ново-Сасыкульского могильника: 1–2, 5 – наконечники копий; 3 – боевой нож; 4, 6–7 – футляры для ножей (1 – находка из межмогильного пространства; 2 – п. 143; 3–4 – п. 284; 5 – п. 313; 6 – п. 98; 7 – п. 196); железо.

Fig. 5. Spearheads and knife cases from Novo-Sasykul burial ground: 1–2, 5 – spearheads; 3 – combat knives; 4, 6–7 – knife cases (1 – find from the inter-grave space; 2 – burial 143; 3–4 – burial 284; 5 – burial 313; 6 – burial 98; 7 – burial 196); iron.

ния в погребениях позволяет заключить, что они крепились к колчану или ножнам. В 3 погребениях с железными наконечниками найдены *железные колчаные крючки* с овальным щитком, распространенные в среде кочевников (Мышкин, 2010, с. 267).

Мечи и боевые ножи представлены 31 экз. (26 погр. – 20% (здесь и далее % от общего количества погребений с вооружением)), 5 из которых найдены в межмогильном пространстве. Кинжалы и мечи с кольцевым навершием происходят из 3 погребений (рис. 4: 8–9). 2 экз. имеют прямоугольное брусковидное перекрестие, 1 – без перекрестия. Меч с серповидным навершием найден в п. 348 (рис. 4: 9) и может быть датирован по инвентарю I–II вв. Появление подобного вооружения в ПК связано с носителями ранне- и среднесарматской культур (Красноперов, 2017).

Кинжалы и мечи без металлического навершия и перекрестий представлены 6 экз., 5 из их длиннее 70 см (рис. 4: 1–2, 5, 7). Один экз. найден в погребении (рис. 4: 5), остальные происходят из межмогильного пространства. Все мечи и кинжалы двулезвийные. Лезвия от пяты клинка идут почти параллельно, заметно сужаясь лишь в последней трети длины или у острия. На одном предмете конец рукояти загнут (рис. 4: 2). Подобные мечи и кинжалы характерны для памятников позднесарматской культуры (тип 2 по А.М. Хазанову (1997, с. 15), тип 8 по А.С. Скрипкину (1990, с. 62)) и относятся ко II–IV вв., но известны и в более раннее время. В памятниках ПК они датируются первыми веками н. э.

Один меч с бронзовым перекрестием найден в межмогильном пространстве. Он двулезвийный, клинок

изготовлен из бронзы, рукоять брусковидная, прямоугольного сечения (рис. 4: 6). Перекрестие ромбическое. Подобные изделия происходят из Камышлы-Тамакского и Кипчаковского могильников. Их относят к изделиям китайского производства (или подражаниям китайским образцам) (Зубов, Саттаров, 2014) и датируют I в. до н. э. – I в. (Агеев, 1992, с. 46).

Один меч имеет секирообразное перекрестие, украшенное желтой эмалевой вставкой в виде трилистника (рис. 4: 4). Подробное описание этого погребения и меча дано А.А. Красноперовым (2011). А.А. Красноперов связывает появление этого меча в НСМ с группой «всаднических захоронений» и относит его к финалу среднесарматского времени (Красноперов, 2011). Планиграфическое расположение не позволяет датировать этот комплекс временем позже кон. II в.

Боевые ножи (по В.А. Иванову) (рис. 2: 8; 5: 3) – длинные однолезвийные мечи для нанесения колюще-режущих ударов. Они были расположены в погребениях с той же стороны, что и кинжалы (слева) и не были оружием кавалерийского типа. Боевые ножи найдены в 18 погребениях НСМ (13,8%), 13 из них обнаружены вместе с бронзовыми наконечниками ножен. Главное отличие такого оружия – узкие (2,5–4 см) однолезвийные прямые или серповидные клинки длиной 25–40 см, без навершия и перекрестия, с коротким черешком. Большая часть данных изделий плохой сохранности. Боевые ножи не находят аналогий у кочевников и являются исключительно пьяноборско-кара-абызским видом вооружения (Зыков, Ковригин, 2008, с. 61). Наиболее ранний экземпляр прямого однолезвийного клинка в

бронзовых ножнах найден в Шиповских курганах в комплексе III–II вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1976, с. 74).

В 13 погребениях НСМ (10%) обнаружены *боевые железные ножи с бронзовыми футлярами* (рис. 2: 8; 5: 4, 6–7). Они, вероятно, использовались как футляры для ножей (Голдина, Бернц, 2016) и представляют из себя полуконическую уплощенную трубицу с перекрестиями на обороте, лицевая сторона которой украшена умбонами или шнуровым и рельефным орнаментом. В 4 комплексах футляры двучастные в виде соединенных разновеликих конусов. Все спаренные экземпляры происходят из погребений с железными наконечниками стрел. Изделия, похожие внешне на футляры для ножей, но более массивные, из бронзы, в памятниках кара-абызской культуры использовались в качестве наконечников ножен. В памятниках ПК футляры для ножей найдены также в Камышлы-Тамакском, Юлдашевском и Тарасовском могильниках, где они датируются I в. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 2, 4, с. 48). Двучастные футляры, использовавшиеся одновременно для ножей и шильев, найдены в Андреевском I кургане рубежа I–II вв. (Гришаков, Зубов, 2009, с. 51–52, рис. 27: 4). О единственном случае нахождения наконечников ножен в сарматских памятниках пишет А.М. Хазанов (Хазанов, 1971, с. 45). Вероятно, футляры для ножей – исключительный маркер пьяноборского населения, прототипом которых были кара-абызские наконечники ножен. Ножи в футлярах однолезвийные, треугольного сечения, все плохой сохранности.

Наконечники копий представлены 7 экз. в погребениях и 2 экз. – из межмогильного пространства. Все

наконечники железные, с плоским, слегка утолщенным в середине пером и расширяющейся книзу втулкой (рис. 5: 1–2). 3 экз. имеют ромбовидное в сечении перо, расширяющееся в нижней части, с разомкнутой втулкой (рис. 5: 2). Они найдены в комплексах с железными наконечниками стрел. Другой тип представлен 3 экз. с ромбовидным в сечении пером, расширяющимся в средней части (рис. 5: 1). Они, как правило, более массивны, чем предыдущий тип. Наиболее ранние прототипы имеются в Старшем Ахмыловском могильнике VIII–VI вв. до н. э. (Голдина, Бернц, 2016). Они найдены в Андреевском I кургане (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 24: 2, 4, 5) и Пильнинском I могильнике I в. Наконечники копий этих типов появляются в Приуралье на рубеже эр (Пшеничнюк, 1973, с. 187; Агеев, 1992, табл. 16, 9, 10, 12, с. 135; Голдина, Бернц, 2016, с. 56–58).

Один наконечник копья выбивается из общей массы. Копье из п. 252 имеет треугольное в сечении перо с жальцами и разъемную втулку с отверстием для крепления (вторая группа копий по С.Э. Зубову) (рис. 5: 5). Подобные изделия с жальцами широко представлены в памятниках писеральско-андреевского типа (Саттаров, 2019, с. 16). Р.В. Матвеев датирует их временем с I тыс. н. э. до XI–XII вв., считая, что данный тип пришел к носителям ПК с запада (Матвеев, 2013, с. 19). В.В. Ставицкий связывает их попадание в ПК с населением, оставившим памятники писеральско-андреевского типа (Ставицкий, 2013, с. 131).

Таким образом, по материалам НСМ можно выделить ряд особенностей в комплексе вооружения носителей ПК. Пьяноборцы были вооружены

преимущественно стрелами с железными или костяными наконечниками. В сравнении с данными по другим памятникам, своеобразие НСМ заключается в преобладании захоронений с костяными и железными стрелами. Планиграфически данные комплексы расположены рядом с погребениями с исключительно железными наконечниками. В пьяноборских могильниках абсолютное большинство составляют костяные наконечники с внутренней втулкой, которые появились в этой среде во II в. до н. э. и сохраняются на протяжении всего времени функционирования культуры. Более поздними следует считать черешковые наконечники, формы которых заимствованы у населения АКИО. Железные наконечники выходят из обихода в конце I в. Наконечники стрел в погребениях носили символический характер, явный дефицит не позволял класть их в могилы в большом количестве.

В отличие от погребений непосредственных соседей — кара-абызцев, у пьяноборцев меньше оружия ближнего боя. В НСМ мечи и кинжалы встречены в единичных экземпля-

рах и все заимствованы у кочевников. Исключительным маркером ПК являются боевые ножи, в большинстве найдены в НСМ (18 экз. из 23 известных). К такому же маркеру относятся бронзовые футляры для ножей.

Слабая вооруженность пьяноборцев позволяет согласиться с мнением В.А. Иванова об отсутствии у них войсковых контингентов (Иванов, 1984, с. 74). Антропологический анализ показал, что на значительном количестве черепов из НСМ имеются следы смертельных травм, в одном из них обнаружен костяной наконечник стрелы, а в одном из погребений — железный наконечник в тазовой кости. Это, наряду с непродолжительным периодом функционирования некрополя, свидетельствует, что население, оставившее НСМ, подвергалось вооруженным набегам, которые могли осуществлять как кочевники, так и родственные племена. Взаимодействие с первыми способствовало появлению у пьяноборцев железных наконечников стрел, мечей без наверший, а также мечей и кинжалов с кольцевидным и серповидным навершиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
2. Бугров Д.Г. К вопросу о костяных наконечниках стрел пьяноборской культуры (по материалам Тойгузинского II городища) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Труды ГИМ. Вып. 121 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: Гос. ист. музей, 2000. С. 83–92.
3. Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
4. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41–89.
5. Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.
6. Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Сарматские импорты и заимствования в вооружении племен пьяноборской культуры Иско-Бельского междуречья // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 314–320.

7. Зыков А.П., Ковригин А.А. Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней: Научно-популярное издание. Екатеринбург: Раритет, 2008. 466 с.

8. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.

9. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 241 с.

10. Красноперов А.А. К атрибуции находки из Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье // Археология Казахстана в эпоху независимости: истоки, перспективы. Материалы научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 2 / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Хикари, 2011. С. 228–238.

11. Красноперов А.А. К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 2: находки предметов вооружения и особенности погребального обряда // Археология Евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. 2017. № 4. С. 165–195.

12. Кропотков В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

13. Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II–IV вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 27 с.

14. Мышкин В.Н. Колчанные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н. э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова / МИАР. Сер. 13. М.: Таус, 2010. С. 262–279.

15. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

16. Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

17. Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.

18. Саттаров Р.Р. Могильники пьяноборской культуры: систематизация и картографирование // Вестник Самарского муниципального института управления: теоретический и научно-методический журнал. 2013. № 4 (27). С. 71–78.

19. Саттаров Р.Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н. э. – II в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 19 с.

20. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.

21. Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 3 (27). С. 126–141.

22. Ставицкий В.В. К вопросу о хронологии погребений с фибулами Ново-Сасыкульского могильника // Уфимский археологический вестник. 2015. № 15. С. 111–116.

23. Стаматина О.Р. Погребальный обряд пьяноборской культуры в свете статистического анализа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2004. 25 с.

24. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.

Информация об авторах:

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); sveta_legion@mail.ru

Куфтерин Владимир Владимирович, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник. Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); vladimirkufterin@mail.ru

PYANY BOR CULTURE WEAPONS ACCORDING TO MATERIALS FROM NOVO-SASYKUL BURIAL GROUND

S.L. Vorobyeva, V.V. Kufterin

The article outlines results of weapon complex analysis of the PyanyBor culture population from Novo-Sasykul burial ground, dated back to the 1st – 2nd cc. BC. The main weapon of this population was ranged weapon e.g. bone and iron arrowheads. Features of archer's burials are compared with all funeral complexes of the PyanyBor culture. As a result, some patterns of finding iron arrowheads and its certain types were revealed. Bony sleeve arrowheads were common during at the whole cultural stage from the 2nd c. BC. to the 2nd c. AD, petiolate arrowheads appeared later – in the 1st c. AD. Melee weapons (daggers, spears, swords) are insignificant in the Novo-Sasykul burial ground. All discovered swords and daggers are borrowed from the nomads. The exception is combat knives, which are found in large numbers. They are a kind of ethnocultural marker in the PyanyBor community. Bronze knife cases are considered by the authors as the same marker.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Pyany Bor culture, weapons, arrowheads, spear, combat knife, sword.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaya kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Bugrov, D. G. 2000. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Current Issues of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 121. Moscow: State Historical Museum, 83–92 (in Russian).
3. Vasiutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iyakh Beloi (Archaeological Investigations on the Lower Belaya)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 95–122 (in Russian).
4. Goldina, R. D., Bernts, V. A., 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).
5. Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznoogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).
6. Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2014. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 16 (3), 314–320 (in Russian).
7. Zykov, A. P., Kovrigin, A. A. 2008. *Shchit i mech Otchizny. Oruzhie Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Shield and Sword of Motherland: the Urals Weapons from the Earliest Time to Present Day)*. Yekaterinburg: "Raritet" Ltd. Publ. (in Russian).
8. Ivanov, V. A. 1984. *Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ia v epokhu rannego zheleza (I tys. do n.e. – pervaya polovina I tys. n.e.) (Armament and Warfare of the Finno-Ugrians from the Cis-Urals in the Early Iron Age (1st Millennium B.C. – first half of 1st Millennium A.D.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Koriakova, L. N. 1988. *Ranniy zhelezniy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura (The Early Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka Culture)))*. Sverdlovsk: Ural State University Publ. (in Russian).
10. Krasnopeorov, A. A. 2011. In Beisenov, A.Z. (ed.). *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the Period of Independence: Results, Perspectives)* 2. Almaty: "Hikari" Publ., 228–238 (in Russian).
11. Krasnopeorov, A. A. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 165–195 (in Russian).
12. Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch)*. Kiev: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

The present project was funded by the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 18-39-00113), in the Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla.

13. Matveev, R. V. 2013. *Vooruzhenie naseleniia Volgo-Viatskogo mezhdurech'ia v kontse II–IV vv. n.e. (Weapons of the Volga-Vyatka Interfluvium Population at the end of the 2nd – 4th cc. AD)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
14. Myshkin, V. N. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materials and Research on the Archaeology of Russia 13. Moscow: "Taus" Publ., 262–279 (in Russian).
15. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd – 5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurt Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
16. Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).
17. Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Yuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).
18. Sattarov, R.R. 2013. In *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniia: teoreticheskii i nauchno-metodicheskii zhurnal (Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management: theoretical and scientific-methodological journal)* 27 (4), 71–78 (in Russian).
19. Sattarov, R. R. 2019. *Importnye predmety v p'ianoborskoi kul'ture (konets II v. do n.e. – II v. n.e.) (Imports of Pyany Bor Culture (end of the 2nd c. BC – 2nd c. AD))*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
20. Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).
21. Stavitskii, V. V. 2013. *Vestnik NII humanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia)* 27 (3), 126–141 (in Russian).
22. Stavitsky, V. V. 2015. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15. 11–116 (in Russian).
23. Stamatina, O. R. 2004. *Pogrebal'nyi obriad p'ianoborskoii kul'tury v svete statisticheskogo analiza (Burial Rite of Pyany Bor Culture in the Light of Statistical Analysis)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
24. Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Vorobyeva Svetlana L. Candidate of Historical Sciences. Bashkortostan National Museum, Sovetskayast. 14, Ufa, 45008, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru

Kufterin Vladimir V. Candidate of Biological Sciences. N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Leninski ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; vladimirkufterin@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2020 г.